

26 ИЮНЬ 1983

И хорошее настроение

Михаил Михайлович Державин — прекрасный собеседник, и о театре говорить с ним — истинное удовольствие. Без опаски ошибиться могу утверждать, что он — именно из тех людей, благодаря которым труппа Театра сатиры славится своей, если угодно, жизнерадостной атмосферой.

Именно о внутритеатральной жизни мы и ведем разговор с заслуженным артистом РСФСР Михаилом ДЕРЖАВИНЫМ.

— Михаил Михайлович, у вас репутация человека с юмором. Тем не менее позвольте задать весьма серьезный вопрос. Театральный коллектив — сложный организм. Что, по-вашему, главное в налаживании столь необходимой труппе атмосферы взаимного благорасположения, если угодно, творческой атмосферы?

— Отвечаю совершенно серьезно — чувство юмора. И в этом специфика любого театрального коллектива, а не только нашего.

С вашего позволения, ударюсь в воспоминания — мне уже пора. Отец мой был артистом Театра имени Вахтангова. И должен сказать, вот уж где царил веселая дружба. А розыгрыши у вахтанговцев были просто веселым бедствием.

Знаете, у юмора ведь бывают непредвиденные пути. В 1941 году мой отец играл Кутузова, я очень этим гордился. И даже выучил наизусть монолог фельдмаршала. У маленького пухлого мальчика это должно было комично получаться. И вот как-то Охлопков, Абрикосов и отец взяли меня с собой в госпиталь и выпустили с монологом, чтобы солдаты улыбнулись. И вдруг воцарилась тишина. А в глазах у солдат слезы. И я на всю жизнь запомнил «каменный аплодисмент» — руками в гипсе о коленки. И помню, огромный Охлопков тоже утирал слезы и все меня обнимал.

Видите ли, склонность к шутке иногда таит в себе глубокий серьез, душевный результат. В этом просматривается почерк взаимного расположения. Творческая атмосфера — это ведь не только самозабвенные репетиции и полная отдача на сцене. Творческая атмосфера — это и образ жизни.

— Ну, а в Щукинском училище вахтанговского театра не стало ли для вас «серьезнее»?

— Видите ли, чувство юмора вовсе не идет вразрез с дисциплиной.

Иногда даже бывает полезным, если ты смешон. В училище я имел особый успех в танцклассе заслуженного артиста республики Виктора Ивановича Цаплина. Относился я к этому весьма серьезно, и лично мне нравилось, как я танцую. Цаплин меня загадочно называл «танцующий сатир». Старания мои не пропали даром. На приеме в Театр имени Ленинского комсомола мы с Ритой Струновой спокойно и серьезно исполнили финский танец. После чего нас с Ритой просто стали умолять согласиться работать в этом театре. Мы согласились. Но, спасибо, роли мне стали поручать все-таки со словами.

— У вас счастливая способность относиться к себе с юмором. Но ведь порой бывает совсем не до смеха.

— А вот именно, когда бывает не до смеха, нужен смех.

У нас очень сильный состав в театре. Но иногда действительно бывает трудно. И вот Валентин Николаевич Плучек уже сидит под портретом Мейерхольда и сообщает всем, что он окончательно уходит из театра. Вы, дескать, все уже гениальные, знаменитые, обойдетесь без меня. Потом «вспоминает», что решил набрать труппу из одних студентов театральных вузов и с ними начать новую жизнь. Мы все смотрим на портрет Мейерхольда и ничего удачного сказать не можем.

И вот после чугунной паузы Валентин Николаевич вроде бы ни к селу, ни к городу вспоминает какую-нибудь лихую историю. А рассказчик он, я вам доложу! И мы вдруг часа два кряду начинаем рассказывать небылицы. Но если вы думаете, что это два часа праздного веселья, вы глубоко ошибаетесь. Восстанавливается нормальная температура артиста. А нормальная температура — это когда у него на душе вольготно и хочется любить свой театр, роль и вообще всех на свете.

Чувство юмора у режиссера — это грандиозный ресурс

всей труппы. Помню, в моей далекой молодости мы репетировали пьесу. Ну уж так репетиция не шла! Режиссер даже выскочил на сцену, стал нервно показывать. А мы как соляные столбы. И вот в творческом экстазе он упал прямо в люк. Мертвая тишина. И вдруг из-под сцены его голос: «Продолжайте репетировать, я все слышу». Такого хохота мне в жизни не приходилось больше наблюдать. Режиссер вылез из своего подземелья, и дело пошло. Слово путы с нас соскочили, пришла легкость, понятливость, желание.

Если в других театрах можно быть или не быть остроумным, то в Театре сатиры это — фирменное. Иначе ты не годишься.

Но даже в этой «компании» я уже много лет с тихим удивлением наблюдаю за Анатолием Дмитриевичем Папановым. Уютный домашний человек, с редчайшим чувством обязательности. На сцене, на экране — выдающийся комедийный актер. Но знали бы вы, какого высокого уровня его личное чувство юмора! Не заемное у драматургов и сценаристов, а повседневное, собственное. Чистосердечно, наконец, признаюсь — я за ним записываю. А потом мы с Александром Ширвиндом выходим на эстраду, и «репризы» именно Анатолия Дмитриевича идут под гомерический хохот зала. А мы скромно раскланиваемся — ну что ж, дескать, делать, такие уж мы остроумные.

— Михаил Михайлович, меня несколько смущает категоричность «фамилии» вашего театра — Театр сатиры.

— В этой «категоричности» и наши радости, и наши трудности. Никак не стану утверждать, что мелодраму сыграть легче, чем сатирическую комедию. И все-таки с репертуаром нам сложнее. Ну, не заплачет на мелодраме зритель. Это вовсе не значит, что спектакль провалился. А вот если на комедии не смеются... Это провал, без всяких смягчающих обстоятельств. Смеется же человек только при точном попадании юмора в «десяточку».

А с попаданием в «десяточку» у сатирических драматургов дело обстоит сложновато. Один копается в пустяках, лишь бы рассмешить. Другой злится в пьесе без цели и смысла, думая, что это и есть сатира. А третий приносит просто скучную пьесу, но с «намеком». Вот и приходится руководству театра тоже намекать: «Дружок, нам нужна хорошая пьеса, а не плохая».

Сатирическая пьеса требует точности ситуации, точности языка. И — сегодняшности! То есть разговора о том, что буквально сегодня волнует и интересует. Пока драматург пьесу напишет, пока ее поставят. А время идет. И спектакль в результате современный, но не сегодняшний. Бичуем минувшие огрехи. А сатира — дело актуальное.

— Вы заняты примерно в половине репертуара, играете почти через день. Но ведь не только поэтому вы с радостью идете в театр.

— Я люблю своих друзей. Кажется, они меня — тоже.

Я твердо уверен, что театр — это коллективное творчество. Если вы понимаете хоккей, то знаете, что «звезда» там не решает игры. Балдерис — замечательный хоккеист, но в сборной у него нет своей «тройки», и его не видно. Даже великий Харламов без Петрова и Михайлова не был бы Харламовым. Я очень благодарен моим друзьям. Без их таланта, без их добросердечия и умения и желания тебя понять я себя не представляю. Не удача ли это — иметь такого «тренера», как Валентин Николаевич Плучек? И разве не наслаждение — забить гол с «подарка» Андрея Миронова или Спартака Мишулина? Мне не хочется даже предполагать, что жизнь моя могла бы сложиться иначе.

Беседу вел
Э. ГРАФОВ.